

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
4 (67)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 9

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ ХАЛИФАТА ОМАЙЙАДОВ (661—750 гг.)

При изучении истории любой общественно-экономической формации исследователь не может пройти мимо вопроса о развитии военного дела. В каждый рассматриваемый период существует тесная связь организации вооруженных сил данного общества с его социальным и экономическим строем, с уровнем развития производительных сил общества.

В этой связи представляет существенный интерес организация вооруженных сил халифата, в частности халифата Омаййадов. Однако работы, посвященные указанной проблеме, весьма немногочисленны; большинство этих работ касается, начиная с работы Рено¹ до вышедшей в 1941 г. очень основательной и интересной книги Хуури,² только одной стороны вопроса, именно — истории развития вооружения, военной техники. Общие истории военного дела типа трудов Дельбрюка³ или Лота⁴ затрагивают в основном вопросы тактики, причем армиям халифата уделяют очень небольшое внимание. Работа Ганеберга⁵ трактует очень специальный вопрос — военное право у мусульманских законовевдов. Общая же проблема истории вооруженных сил халифата рассматривается фактически только в одной главе „Культурной истории Востока при халифах“ Кремера⁶ и в небольшой, но содержательной работе Фриза;⁷ кроме них, мы располагаем лишь отдельными, хотя

¹ J. Re naud. De l'art militaire chez les arabes au Moyen Age. Journal Asiatique, IV série, t. 12, Paris, 1848, стр. 193—237.

² K. Huuri. Zur Geschichte des mittelalterlichen Geschützwesens nach orientalischen Quellen. Studia Orientalia, IX, 3, Helsingfors, 1941.

³ H. Delbrück. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte, Bd. I—VII. Berlin, 1900—1936.

⁴ F. Lot. L'art militaire et les armées au Moyen Age, tt. I—II. Paris, 1946.

⁵ B. Haneberg. Das muslimische Kriegsrecht. Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Historisch-philologische Klasse, München, 1870.

⁶ A. v. Kremer. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Bd. 1. Wien, 1875, стр. 203—255.

⁷ N. Fries. Das Heereswesen der Araber zur Zeit der Omajjaden nach Tabari geschildert. Tübingen, 1921.

иногда и весьма ценными, замечаниями в работах таких исследователей, как Велльхаузен, Ламменс, Якубовский и некоторые другие.

Оценивая указанные выше работы, отметим, что диссертация Фриза является серьезной и достаточно полной сводкой сведений, содержащихся в таком ценном источнике, как ат-Табарй. Однако внимание автора обращено главным образом на вопросы тактики и военной администрации. Причем, когда речь идет о правовых нормах, то Фриз, как Кремер и Ганеберг, ограничивается, как правило, констатацией тех или иных взглядов мусульманских юристов, не касаясь вопроса о степени соответствия позднейших теоретических построений административной и военной практике Омаййадской эпохи. Экономическая сторона вопроса Фриза интересует значительно меньше, а к социальным отношениям в халифате Омаййадов и их отражению в вооруженных силах он проявляет почти полное безразличие. В такой же степени это относится и к Кремеру. Таким образом, сейчас нет трудов, посвященных месту и роли армии в общей системе общественно-экономических отношений халифата в этот период, так как такие работы, появившиеся после труда Фриза, как, например, недавняя статья Буске о причинах и природе арабского завоевания,¹ заполнены рассуждениями и аналогиями общего характера и не вносят ничего нового в изучение проблемы.

Настоящая статья ограничивается рассмотрением одного вопроса: социальных отношений в войсках, форм проявления в армии общих социальных противоречий, характерных для истории Дамасского халифата. В статье используются лишь некоторые арабские исторические сочинения, главным образом труды ат-Табарй, ал-Балāзурй, ал-Йа'қубй, ад-Дйнаварй и Ибн ал-Асйра. При этом из трудов ал-Балāзурй мы ограничились лишь „Книгой завоеваний стран“,² так как такой богатейший источник, как „Ансāб ал-ашраф“,³ заслуживает особого исследования. Сведения, содержащиеся в трудах упомянутых выше авторов, позволяют с достаточной точностью определить и показать основную линию исторического развития сухопутных вооруженных сил халифата в пору его наивысшего расцвета.⁴

¹ G. H. Bousquet. Observations sur la nature et les causes de la Conquête arabe. *Studia Islamica*, VI, Paris, 1956, стр. 37—52.

² *Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladorsi*, ed. M. J. De Goeje. *Lugduni Batavorum*, 1866 (далее — ал-Балāзурй).

³ *Anonyme arabische Chronik*, Bd. XI, *vermuthlich das Buch der Verwandtschaft und Geschichte der Adligen von Abulhasan . . . Elbeladori*, hrsg. von W. Ahlwardt. Greifswald, 1883; *The Ansab al-Ashraf of al-Baladhuri*, published for the first time by the School of Oriental Studies. Hebrew University, Jerusalem, IVB ed. by M. Schloessinger, 1938; V. ed by S. D. F. Goitein, 1936.

⁴ История и организация военного флота халифата Омаййадов нуждаются в самостоятельном изучении, и для исследования их источники, использованные в настоящей статье, не могут дать достаточного материала.

Приход к власти халифов из рода Омаййадов связывается источниками с немедленной и весьма существенной реорганизацией вооруженных сил. Усилившийся после завоевания процесс феодализации арабского общества, необходимость держать в повиновении как население завоеванных стран, так и низы арабских племен, чтобы обеспечить возможность беспрепятственной эксплуатации обширных и богатых захваченных областей, наконец, широкая программа территориальной экспансии — все эти факторы требовали создания более организованной и централизованной военной силы, чем племенные ополчения первого этапа арабских завоеваний.

Именно эту цель и преследовали реформы Му'авии I, который, не отказываясь от сохранения в войсках племенного принципа (да это и нельзя было сделать в халифате середины VII в.), стремился создать по возможности надежную систему комплектования, пополнения и снабжения войск всем необходимым.

Основой комплектования армии становятся несколько городов, население которых, состоящее из осевших здесь завоевателей и их потомков, поставляет основную массу воинов: из жителей Куфы и Басры — крупнейших баз в Ираке — формировались почти все войска, принимавшие участие в завоевании Средней Азии. Аналогичные базы были созданы и в других областях халифата — это Дамаск, Химс и Киннасрйн в Сирии, Фустат в Египте, Шйрāз и Шустер в Иране, Мерв в Хорāsāне. Во всех этих городах составлялись списки лиц, обязанных служить в войсках. Число таких лиц достигало десятков тысяч. Этот список — „дйвāн“ — служил не только мобилизационной ведомостью, но и документом, на основании которого выплачивалось содержание воинам. Самая система выплаты, как и большинство всех вообще государственных установлений халифата Омаййадов, заимствована у персов, но идея создания городов-лагерей и военных округов — „джунд“ — для комплектования и пополнения армии, одновременно обеспечивавших повиновение той захваченной области, в которой они находились, принадлежит, по-видимому, арабам. Подобной практики у персов мы не встречаем. Сходство же с византийской системой фем арабская организация имеет лишь внешнее. Основы этих двух систем — византийские стратиоты и арабские военнообязанные „муртазиқа“ — слишком различны по своему характеру.¹

¹ Интересно также отметить, что главные иракские базы — Куфа и Басра — обычно обеспечивали войсками разлые районы и театры военных действий. Именно, войска, сформированные из куфийцев, использовались в основном на востоке — в Хорāsāне и Мāверāннахре, тогда как басрийские контингенты направлялись на север — в Закавказье и районы южного Прикаспия. Такое распределение войск, по-видимому, проводилось на практике на всем протяжении существования халифата как господствующая тенденция. Может быть, оно объясняет в известной степени ту роль, которую сыграла хорāsāнская армия в движении Абū Муслима (при сравнительной инертности

Б. Н. Заходер говорит: „Если первоначальные арабские завоевания совершались преимущественно силами самих же арабов, бедуинов, то последующие территориальные приобретения требовали от арабского государства больших средств на оплату наемного войска“.¹ Но ведь население Күфы, например, нельзя считать просто наемниками, это скорее военное сословие, обязанное службой и получавшее за эту службу содержание от казны. Кроме того, основную массу этого сословия составляли арабы — бывшие бедуины и их потомки.

Племенной принцип в войсках был сохранен. На первый план выступала, наряду с общеизвестной тенденцией знати кочевых племен к сохранению как можно большего количества пережитков патриархально-родовых отношений внутри племени, еще и значительная боевая устойчивость и спайка племенных военных формирований.

Города-базы были заселены по племенному принципу, причем племена или группы племен („руб“ в Күфе, „хумс“ в Басре) занимали в этих городах особые районы, не смешиваясь друг с другом.² Такая система имела еще и то преимущество, что позволяла использовать в случае нужды одни племена против других, что и практиковалось довольно часто в Омаййадское время.³

Однако не следует все же преувеличивать роль племенных привязанностей и антипатий в политике Омаййадов. В свое время Н. А. Медниковым и в еще более категорической форме Ламменсом был выдвинут тезис о том, что омаййадская власть опиралась в основном на кальбитов, на племена южноарабской группы.⁴ Несомненно, что поддержка сирийских кальбитов обеспечила Марвāнидам возможность захватить власть в халифате. Но в десятилетия, непосредственно следующие за победой Марвāнидов, на важнейших постах в государстве оказывается много членов североарабских племен. А. Ю. Якубовский справедливо отметил, что восстания в Ираке всегда подавлялись сирийскими войсками, состоявшими большей частью из қайситов.⁵ Наконец,

---

войск, стоявших в Закавказье): күфийские по происхождению части имели давнюю антиомаййадскую и шиитскую традицию.

¹ Б. Н. Заходер. История ближневосточного средневековья. М., 1944, стр. 36.

² *Annales quod scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Ṭabarī cum aliis editit M. J. De Goeje, II series. Ludguni Batavorum, 1881—1889 (далее: ат-Ṭабарī), стр. 644₃ и сл., 720₄ и сл.; см. также: J. Wellhausen. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902, стр. 78.*

³ J. Wellhausen. Das arabische Reich. . . , стр. 43—44.

⁴ Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов, т. I. СПб., 1902, стр. 653; Н. Lammens. 1) *Études sur le regne du Calife Omayyade Mo'awia Ier.* Paris—London—Leipzig, 1908, стр. 311—312, 418; 2) *Études sur le siecle des Omayyades.* Beyrouth, 1930, стр. 352, 402—403.

⁵ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX веков. Труды I сессии арабистов, М.—Л., 1937, стр. 29.

такой источник, как Абу Ханифа ад-Динаварӣ, содержит следующее любопытное замечание: „...а Хишам ненавидел йеменитов, и подобно этому (ненавидели их) остальные Омаййады“.¹ Этот отрывок ад-Динаварӣ вообще представляет немалый интерес для выяснения вопроса об отношении Омаййадов к двум главным племенным группам. В нем говорится, что халиф Хишам отклоняет одну за другой как йеменитские, так и мударитские кандидатуры на пост наместника Хорасана. Когда же речь заходит о Насре ибн Саййаре, советник говорит: „Нет у него в Хорасане соплеменников в войске, а ведь сможет справиться с управлением Хорасаном только тот, у кого там соплеменники из войск его (Хорасана)“. Сказал он (Хишам): „А какие соплеменники больше, чем я?“.² Если даже этот рассказ вымышлен, то все же в нем отразились, видимо, какие-то тенденции халифа к сохранению известной независимости от обеих соперничающих племенных групп (полностью независимой от племен, составлявших основную военную силу Дамасского халифата, династия не могла быть).

Против концепции, утверждающей исключительно пройеменитский характер политики Омаййадов, выступил еще Велльхаузен, подчеркнувший, что при первых четырех Марванидах племенная вражда не играла особо заметной роли во внутривластной жизни халифата.³ И даже в случаях подавления восстаний в Ираке преимущественное использование қайситских войск обуславливалось в первую очередь тем, что қайситы составляли значительную часть арабского населения Сирии, хотя многие йеменитские племена находились в Сирии еще до ислама.⁴

Нужно сказать, что сирийские войска широко использовались при подавлении восстаний не только в Ираке. Можно упомянуть, например, об использовании сирийских войск в Хиджазе против антихалифа Абдаллаха ибн аз-Зубайра в 683 и 692 гг.⁵

Естественно, что Омаййады, центром и опорой власти которых была Сирия, поставленная в привилегированное положение по сравнению с другими областями халифата, широко использовали сирийских арабов, как наиболее надежный источник военной силы. Нельзя, видимо, говорить и о преимущественном использовании қайситов с такой категоричностью, как это делает А. Ю. Якубовский: ведь, например, сирийские войска, размещенные в Ираке после подавления восстания

---

¹ Abû Hanîfa ad-Dînavarî. Kitâb al-ahbâr at-tiwâl, publié par V. Guirgass, Leide, Brill, 1888 (далее: ад-Динаварӣ), стр. 342.

² Там же, стр. 342₂₁ и сл.

³ J. Wellhausen. Das arabische Reich..., стр. 162—163.

⁴ См., например: R. Dussaud. La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam. Paris, 1954.

⁵ Ibn Wadhîh qui dicitur al-Ja'qubî Historiæ ed. M. Th. Houtsma, II (далее: ал-Йа'қубӣ). Ludguni Batavorum, 1883, стр. 299; Ат-Табарӣ, II, стр. 849₅; ад-Динаварӣ, стр. 274₁₈ и сл.

'Абдаррахмāна ибн Мухаммада ибн ал-Аш'аса, состояли в основном из арабов племен Қудā'а и Кальб, т. е. из йеменитов. Арабские историки хорошо знали, что в период большинства антиомаййадских движений для арабов смысл событий заключался в борьбе не столько против каких-либо племен (или групп племен), сколько против привилегированного положения арабов сирийских вне зависимости от племенной принадлежности последних.¹

Привилегированное положение частей сирийской армии отражалось и в окладах воинов этой армии. В прочих районах халифата войска получали от 300 до 600 дирхемов в год,² в сирийских же округах — Химс, Дамаск, Урдунн, Палестина и Қиннасрйн — оклады доходили до 800 дирхемов,³ а Кремер считал возможным принять цифру 1000 дирхемов в год.⁴ Любопытно, что даже низшая из этих цифр в несколько раз превышает сумму, которую получали византийские наемники.

Одна из причин того, что симпатии сирийских арабов к Суфйāнидам оказались много долговечнее, чем к Омаййадской династии, и привели к возникновению культа Му'āвийи и Йазйда, существовавшего еще в III в. хиджры,⁵ заключается в том, что создателями привилегированного положения сирийских войск были именно Му'āвийа I и Йазйд I.

Привилегии сирийских войск обусловлены были также не только их расположением в центре государства, но и тем, что эти войска составляли наиболее боеспособную часть омаййадских вооруженных сил, так как находились в почти непрерывном боевом соприкосновении с наиболее сильным и высокоорганизованным противником халифата — ромеями.⁶

Б. Н. Заходер совершенно справедливо указал на то, что „уже при Омейядах значительная часть военных сил была неарабская по происхождению“.⁷ Однако едва ли можно считать, как он полагает, что эта часть войск состояла на полном содержании государства. Чтобы убедиться в этом, обратимся к анализу состава омаййадской армии.

Чисто арабские части, являясь костяком армии, далеко не всегда составляли в ней большинство. С войском шли огромные массы

¹ Ат-Табарй, II, стр. 1089.

² Ат-Табарй, II, стр. 1144₉, 1518₁₄.

³ N. Fries, ук. соч., стр. 10.

⁴ A. v. Kremer, ук. соч., т. I, стр. 213—214.

⁵ В. В. Бартольд. Мусульманская секта Мерванитов. Изв. Росс. Акад. наук, Ггр., 1915; Ch. Pellat. Le culte de Mu'awia au III-e siècle de l'hégire. *Studia Islamica*, VI, Paris, Larose, 1956, стр. 53—66; см. также: В. В. Бартольд. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности. *Христианский Восток*, т. VI, Ггр., 1922.

⁶ См., например: ат-Табарй, I, стр. 3410; J. Wellhausen, ук. соч., стр. 83.

⁷ Б. Н. Заходер, ук. соч., стр. 36.

рабов.¹ Использовались они конечно, как правило, в качестве вспомогательной рабочей силы. Однако в случаях крайней нужды их вооружали, хотя и очень неохотно. Так, в 77/696—697 г. под Күфой ал-Хаджджәджд использовал вооруженных рабов против войск хариджита Шабйба.² В 112/730—731 г. Джунайд ибн 'Абдаррахмән вооружил рабов, обещав предварительно свободу тем из них, кто будет вместе с войсками сражаться против тюрок.³ В 119/737 г. Асад ибн Абдаллах вооружил рабов и использовал их против тюрок.⁴ Несомненно, не могло быть и речи о содержании этих рабов как воинов за счет государства, хотя в 69/688—689 г., во время военных действий против ал-джарәджима, омаййадский полководец Сухайм ибн Мухәджир обещал рабам за помощь в бою не только свободу, но, как сообщает Ибн ал-Асйр, и внесение в „дйвән“, т. е. зачисление в состав „муртазиқа“, военно-обязанных.⁵

Далее в войске существовала многочисленная прослойка „маулә“, клиентов как целых племен, так и отдельных лиц. Они были вооружены и принимали участие в военных действиях. Теоретически об их содержании обязан был заботиться патрон, государство же не выплачивало им никакого содержания. Но можно, видимо, говорить о двух возможных вариантах правового статуса „маулә“: либо они действительно состояли на обеспечении патрона, не получая жалованья от казны, либо — что бывало значительно реже — получали государственное жалование, как обычные „муртазиқа“. К этой второй категории „маулә“ относились, по всей видимости, те „люди из детей персов“ — „абнә“, — которые составили основную силу восстания ал-Мухтәра и о которых упоминает ад-Дйнаварй.⁶ Если же „маулә“ состоял на содержании патрона, то на его долю приходилось очень немного: львиная доля всех материальных благ, в частности добычи, обычно доставалась патрону.⁷ Естественно, что это вызывало неудовольствие „маулә“; по свидетельству ат-Табарй, некоторые из них в 100/718—719 г. даже подали петицию 'Омару II, требуя выплаты окладов наравне с прочими воинами.⁸

Ни рабы, ни „маулә“ не могли считаться в бою надежной силой. Один из омаййадских военачальников, 'Абдаллах ибн Вахб ал-Джу-

¹ См., например: P. Kh. Hitti. History of the Arabs, 3-d. ed. London, 1949, стр. 235; H. Lammens, Mo'awia ler, стр. 269.

² Ат-Табарй, II, стр. 95₂, 8.

³ Ат-Табарй, II, стр. 1543₁₁.

⁴ Ат-Табарй, II, стр. 1598₉.

⁵ Ibn al-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1851—1876 (далее: Ибн ал-Асйр), IV, стр. 251.

⁶ Ад-Дйнаварй, стр. 296₁₄, 300₁₄ и сл., 301₄ и сл.

⁷ Ат-Табарй, II, стр. 649₁₅, 650₇.

⁸ Ат-Табарй, II, стр. 1354₂ и сл.

шамй, говорил, что опасается, как бы не разбежались рабы и „маулā“, если им придется испытать натиск противника.¹ Но в то же время, когда, например, под Самаркандом Джунайд ибн 'Абдаррахман вооружил рабов, пообещав им свободу за участие в бою, они сражались с такой отвагой, что арабы сочли нужным отметить это: „... и приказал ал-Джунайд человеку, и воззвал тот: «Кто из рабов сражается, тот свободен!». И сражались рабы упорно, [так что] люди удивлялись этому“.²

Значительно меньшее число лиц входило в группу „шāкирийа“ (персидское „чāкир“) — слуг или челяди. Они обычно использовались как обслуживающий персонал, изредка как конвой какой-либо видной особы.³ Естественно, что содержание чакиров также целиком лежало на патроне.

Наконец, весьма существенную роль играли войска, составленные из зиммиев. Они, как правило, принимали участие в военных действиях в качестве самостоятельных боевых единиц под командованием своих же местных владетелей, что обуславливалось в договоре,⁴ и не получали содержания от казны. Вместо этого допускалось их участие в разделе добычи.

Такая практика наиболее широко применялась в Средней Азии и Закавказье. При этом арабские военачальники обычно ставили такие вспомогательные отряды в самые опасные места боевых и походных порядков, где эти отряды должны были прикрыть арабские части и принять на себя первый удар. Так действовал, например, по сообщению ал-Балāзурй, наместник Армении Марвāн ибн Мухаммад, будущий халиф: „И приказал он владетелю Шйрвāна, чтобы тот был в авангарде, когда выступят мусульмане в поход против хазар, и в арьергарде, когда они будут возвращаться; а Филāншāху — чтобы он воевал только вместе с ними; а Табасарāншāху — чтобы был в арьергарде, когда они (мусульмане) выступают; и в авангарде, когда они уходят“.⁵ В центре халифата Омаййадов, в Сирии, широко использовались как пограничные войска на византийской границе мардаиты. Впрочем, точно таким же образом использовала их и византийская военная администрация.⁶

Именно из-за наличия в омаййадских войсках многочисленных отрядов, составленных из зиммиев, и четкого отражения этого факта в источниках мы не можем согласиться с мнением Хитти о том, что зиммии

¹ Ат-Табарй, II, стр. 721₁₀.

² Ат-Табарй, II, стр. 1543₁₁ и сл.; Ибн ал-Асйр, V, стр. 125.

³ Ат-Табарй, II, стр. 1082₇, 1155₁₁, 1159₁₇.

⁴ Ал-Балāзурй, стр. 200, 439; ал-Йа'қубй, стр. 381.

⁵ Ал-Балāзурй, стр. 209.

⁶ J. Wellhausen. Die Kämpfe der Araber mit den Romäern in der Zeit der Umajjaden, Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1901, стр. 429—430.

не обязаны были нести военную службу и что это даже служило основанием для их неполноправного положения.¹

Тяжелый гнет налогового аппарата халифата и общее приниженное положение зиммиев не способствовали сохранению у них высокого боевого духа. Обычной мерой, применявшейся для того, чтобы заставить зиммиев сражаться, была угроза лишить их договорных прав. Ею широко пользовались многие омаййадские полководцы и наместники. Много примеров такой практики сохранил для нас ат-Табарй.² Но, так же как и в отношении рабов и „маулā“, источники говорят о высокой боевой стойкости, например, тех же самых согдийцев во время их борьбы против завоевателей-арабов.³

Собственно наемные войска — „фард“ (мн. „фуруд“) — составляли весьма незначительную часть вооруженных сил халифата в рассматриваемый период и упоминаются редко.⁴ Интересно в этом отношении сообщение ал-Балāзурй, относящееся, правда, уже ко времени аббасидского халифа ал-Хадй, о возможности поселения этих войск. Это было, по-видимому, проявлением тенденции к их переводу на положение обычных „муртазика“.⁵

В последние четыре десятилетия существования халифата Омаййадов возникает множество различных отрядов добровольческого характера. К ним относятся, например, ал-Ваддāхйя — берберские отряды, названные по имени их создателя,⁶ ал-Кйкāнйя — отряды бухārских лучников, ценившиеся особенно высоко,⁷ аз-Заквāнйя — отряды лучников, сформированные из „маулā“ Сулаймāна ибн Хишāма.⁸

Характерной чертой деятельности большинства таких отрядов являлось то, что они формировались отдельными представителями аристократии, воевали в основном за свой страх и риск и почти не были связаны с общим военным командованием. В этом скорее всего отразились ускорение феодализации халифата и те центробежные тенденции, которые через столетие привели к распаду единого халифата.

Таким образом, войско Омаййадов состояло из привилегированного арабского ядра и нескольких групп иных, неполноправных элементов, различавшихся именно по степени их неполноправности. Этим определялась основная слабая черта армии халифата — ненадежность вспомогательных и союзных формирований.

¹ P. Kh. Hitti, ук. соч., стр. 423.

² Ат-Табарй, II, стр. 621₃, 911₆ и сл., 930₁₆.

³ См., например: Ат-Табарй, I, стр. 1244₁ и сл.; ал-Балāзурй, стр. 412.

⁴ Ат-Табарй, II, стр. 830₁₁; ал-Балāзурй, стр. 166.

⁵ Ал-Балāзурй, стр. 190.

⁶ Ат-Табарй, II, стр. 1300₄, 1401_{посл. сл.}, 1893₁₅; ал-Йа'қубй, II, стр. 349.

⁷ Ат-Табарй, II, стр. 1708₁₁.

⁸ Ат-Табарй, II, стр. 1830₁₀, 1892₁₂.

По отношению к населению завоеванных стран омаййадская армия выступала как орудие укрепления господства арабской знати над этими странами и эксплуатации его населения. Как отмечал А. Ю. Якубовский, „в Ираке все трудящееся население... прекрасно понимало, что его эксплуатируют не только как раба, крестьянина и ремесленника, но и как иноплеменника, к тому же завоеванного, и, наконец, как инаково-рующего“.¹ Это положение можно распространить на все завоеванные территории. Уже во время первых походов эксплуатация завоеванных областей была достаточно интенсивной. В Дамаске, Бейсане и Тивериаде жителям пришлось, помимо выплаты ежегодной дани, поступиться в пользу завоевателей половиной жилищ. В омаййадское время такая практика продолжала существовать; это показывает пример Бухāры и Самарканда. При их завоевании соответственно в 709 и 712 гг. Қутайба ибн Муслим точно так же отобрал у жителей этих городов половину их домов, как это делали за 75 лет до него военачальники 'Омара I в Сирии. Иногда арабы оставляли все подати и поборы в том же виде, в каком эти повинности существовали к приходу завоевателей.² И то, что население первоначально часто встречало арабов как избавителей, говорит не о мягкости политики завоевателей, но о том, насколько нестерпим был гнет византийской администрации. Когда же арабы закрепились в новых владениях и наладили их регулярную эксплуатацию, подобные настроения быстро исчезли. Иллюстрацией того, как воспринималось арабское владычество населением завоеванных стран в начале VIII в., могут служить, например, некоторые места в хронике Дионисия Телль-Махрского, даже если учитывать несколько специфический характер этого источника.³ Еще проще обстояло дело в бывших сасанидских областях: например, после захвата Ктесифона арабы разделили все дома его между воинами. Широкие размеры приобрела практика захвата земель и раздачи их воинам. Так, например, по сообщению ал-Балāзури, „поселил Маслама (ибн 'Абдалмалик) в Дербенте (مدينة الباب والادواب) четырнадцать тысяч сирийцев“.⁴ Сведения о подобных фактах встречаются нередко, причем иногда они сопровождаются настоятельными указаниями на то, что такие наделы не могут рассматриваться как собственность поселенных на них солдат.⁵ Такие возражения Лёккегор метко назвал „запоздалым протестом“ против последовавшего за захватом отчуждения этих земель.⁶ Широко распространена была и такая

¹ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 28.

² См., например: ат-Табарй, I, стр. 2405₆ и сл.

³ Chronique de Denys de Tell-Machré, ed. M. Chabot, part IV. Paris, 1895, стр. 104—105 (французский текст).

⁴ Ал-Балāзури, стр. 207.

⁵ Ал-Балāзури, стр. 222.

⁶ F. L ø k k e g a a r d. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950, стр. 33—34.

форма эксплуатации коренного населения, как постой солдат в его жилищах.¹ Причем требование постоя („дийафа“) и предоставления проводников арабским войскам („далала“), как правило, включалось в условия мирных договоров, которые арабами заключались с населением завоеванных областей.²

Огромный ущерб во время войны наносился производительным силам тех районов, где происходили военные действия. Это особенно резко проявлялось в пограничных с Византией районах, где обе стороны создавали вдоль границы настоящую пустынную зону. Разрушению и запустению подвергались целые города, в качестве примера можно назвать Тиану.³

Но и без намеренного опустошения района военных действий его население оказывалось разоренным. Снабжение арабских войск в походе основывалось, как правило, на реквизициях. Заготовка продовольствия для похода была редким явлением и практиковалась иногда, кажется, одним только ал-Хаджджаджем.⁴ Зато неоднократно встречаются сообщения, например, о потраве незрелых посевов арабской конницей⁵ или о том, что Маслама ибн Абдалмалик и его войска обообрали окрестности Константинополя.⁶ Эту систему снабжения очень хорошо иллюстрируют, например, документы, опубликованные Карабачком.⁷

Сюда следует прибавить солдатские бесчинства. В этом смысле характерно то место у Ибн ал-Асйра, где Марван II в 126/743—744 г. упрекает мятежные войска за неповиновение и, между прочим, говорит: „... а вы только хотите насильно отбирать у зиммиев, мимо которых проходите, имущество их“.⁸ Обычно за омаййадскими армиями двигались огромные обозы с добычей. Из-за таких обозов зачастую терялось основное преимущество арабских войск — их высокая подвижность.

Нужно подчеркнуть и то, что исследования Лёккегора, как нам кажется, достаточно убедительно показали и наличие в податной системе халифата старого византийского военного налога „*annona militaris*“ под названием „вазйфа“ (мн. „ваз’иф“).⁹

¹ См. например: Ал-Балāзурй, стр. 436.

² См. например: ал-Балāзурй, стр. 421.

³ Ал-Балāзурй, стр. 162—164; см. также: J. Wellhausen. Die Kämpfe..., стр. 415.

⁴ Ат-Табарй, II, стр. 906_{посл. сл.}; 1061₁₃, 1157₃; ал-Балāзурй, стр. 436, 440.

⁵ Ат-Табарй, II, стр. 1590₁₀.

⁶ Ат-Табарй, II, стр. 1316₁₂.

⁷ J. Karabaček, J. Krall, K. Wessely. Papyrus Erzherzog Rainer, Führer durch die Ausstellung. Wien, 1894, стр. 138—142.

⁸ Ибн ал-Асйр, V, стр. 234: *وَأَمَّا تَرِيدُونَ أَنْ تَغْضَبُوا مِنْ مَرَرْتُمْ بِهِ مِنْ أَهْلِ الذَّمَّةِ أَمْوَالِهِمْ.*

⁹ F. Løkkegaard, ук. соч., стр. 126—127.

Характерной чертой походов омаййадских войск был захват огромного числа рабов. При этом широко практиковалось массовое обращение в рабство гражданского населения,¹ не говоря уже о военнопленных. В этом отношении характерны договоры Марвāна ибн Муḥаммада с кавказскими владетелями, включавшие в качестве обязательного условия поставку рабов.² Случалось, что обращали в рабство и заложников,³ хотя многие юристы считали впоследствии такие действия незаконными,⁴ как, впрочем, и обращение в рабство мирного населения. Вообще, мы встречаем немало сообщений, показывающих резкое несоответствие практики омаййадской военной администрации выработанным в последующие десятилетия нормам мусульманского права. Так, например, ал-Балāзурй, говоря о походах в Индию, сообщает о захвате Кусдāра в Синде: „И завоевал его Синāн, хотя жители его не отпадали“;⁵ так же поступил Қутайба ибн Муслим с Самарқандом;⁶ наместник Мосула Муḥаммад ибн Марвāн, брат халифа Абдалмалика, вероломно сжег в церкви армянских князей после заключения с ними мирного договора.⁷

Но использование людских ресурсов не ограничивалось вспомогательными войсками и захватом рабов. Любопытно, например, что уже при завоевании Египта в 640—641 гг. вместе с тяжелой конницей 'Амра ибн ал-Āса находились мастера-кольчужники; вероятнее всего ими могли быть только угнанные ремесленники из Сирии, в которой было широко развито оружейное производство.⁸

В тесной связи с вопросом об использовании людских ресурсов завоеванных стран стоит вопрос о наложении печатей на население. По нашему мнению, это была военно-административная мера, преследовавшая в такой же мере цели полицейской, как и фискальной регистрации, а очень часто и вовсе не связанная с какими-либо фискальными соображениями. В самом деле, какие могли иметься в виду фискальные цели, когда в 74/693—694 г. ал-Ḥаджджāдж печатал после взятия Медйны остававшихся к тому времени в живых сподвижников пророка? Здесь, бесспорно, речь шла именно о полицейской регистрации потенциально опасных, враждебных Омаййадам элементов, а не о сознательном

¹ Chronique de Denys de Tell-Machré, французский текст, стр. 24; ал-Балāзурй, стр. 208.

² Ибн ал-Асйр, V, стр. 132, 180.

³ Ал-Балāзурй, стр. 412; ал-Йа'қубй, стр. 282.

⁴ См., например: Al-Mawardi. Al-Ahkam as-Sultaniyah, ed. M. Enger. Bonn, 1853, стр. 84.

⁵ Ал-Балāзурй, стр. 434.

⁶ Ал-Балāзурй, стр. 422.

⁷ Ал-Йа'қубй, стр. 324—325.

⁸ J. Karabaček и др., ук. соч., стр. 134, 135, 139.

унижении, как полагал Ж. Перье.¹ Видимо, таким же образом обстояло дело и тогда, когда в 119/737 г. Асад ибн 'Абдаллах печатал подозрительных с точки зрения арабских властей согдийских дехқанов.² В этом смысле точка зрения Фриза и Лёккегора представляется нам наиболее близкой к истинному положению вещей.³

Отмеченный выше случай наложения печати на дехқана в Согде не характерен для обычной политики арабской администрации в отношении верхушки местного населения. Напротив, арабы всегда стремились опереться на эту верхушку, и, за исключением единичных случаев,⁴ это им всегда удавалось. Местная знать подчинялась арабам без особого сопротивления,⁵ охотно прибегая к помощи войск завоевателей для разрешения своих междоусобиц или удержания в повиновении зависимого населения. Арабы не имели никаких иллюзий относительно причин такого быстрого подчинения. В этом смысле характерно, например, сообщение ал-Балāзури: "...а когда был он (Қутайба ибн Муслим) в Тальқане, прибыл к нему дехқан Балха, и переправились они через реку; и прибыл к нему, когда переправился он через реку, царь Саганийāна с дарами и ключом из золота, и вручил ему повиновение, и пригласил его остановиться в стране его. А царь Аҳаруна и Шумāна теснил царя Саганийāна и воевал с ним, и потому тот вручил Қутайбе то, что вручил".⁶

Аналогичное сообщение, относящееся к более раннему времени — 80/699—700 г. — и не к Саганийāну, а к Хутталю, встречается у Ибн ал-Асйра.⁷ При этом местные владельцы не только открыто вступали в союз с завоевателями, но иногда являлись шпионами арабов. Так, в 104/722—723 г., как сообщает Ибн ал-Асйр, наместник Закавказья ал-Джаррāх оставил все богатства владельцу Баланджера за то, что тот тайно осведомлял арабов о намерениях своих же союзников.⁸ Сходное известие находим мы и у ал-Йа'қуби, который рассказывает о переходе на сторону арабов „царицы Ферганы“ и ее помощи арабскому наместнику Согда.⁹ Хорошо известна история взаимоотношений с завоевателями такого согдийского владельца, как Гурак. Интересно, наконец, и включение в 79/698 г. берберов в состав мусульманских войск в Северной Африке на основе некоторого компромисса между арабским на-

¹ Ат-Табарӣ, II, стр. 854_{1б}, 855_{1, 5}; ал-Йа'қуби, стр. 325; J. Périer. Vie d'al-Hadjidjad ibn Jousof. Paris, 1904, стр. 55—56.

² Ат-Табарӣ, II, стр. 1630₈ и сл.

³ N. Fries, ук. соч., стр. 90; F. Løkkegaard, ук. соч., стр. 139.

⁴ См. например: ат-Табарӣ, II, стр. 1440₁₀.

⁵ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 28; J. Кагабабек и др., ук. соч., стр. 138, 139.

⁶ Ал-Балāзури, стр. 419.

⁷ Ибн ал-Асйр, IV, стр. 365.

⁸ Ибн ал-Асйр, V, стр. 84.

⁹ Ал-Йа'қуби, II, стр. 373.

местником и сыновьями „прорицательницы“ („ал-кахина“), управлявшей берберами ранее.¹

Арабы широко использовали распри между отдельными местными владетелями и благодаря умелому проведению такой политики почти всегда имели в своем распоряжении достаточное количество вспомогательных войск.

Однако в самом арабском ядре вооруженных сил халифата Омаййадов отнюдь не царили мир и спокойствие. Напротив, помимо упоминавшейся уже ранее вражды между войсками привилегированными (сирийские округа) и „линейными“, в первую очередь иракскими, в собственно арабских воинских отрядах очень рано проявился резкий антагонизм между верхушкой племен и массой беднейших соплеменников. Между этими двумя группами шла непрерывная борьба, принимавшая нередко форму вооруженных выступлений рядовых воинов против феодализирующейся племенной аристократии.

В принципах раздела добычи, установленных с начала ислама, ярко отразилась тенденция к укреплению преимущественного положения аристократии: всадник получал три доли, пеший воин — одну. О претензиях представителей знати в этом отношении сообщает ал-Вақиди: „Были разногласия среди людей относительно добычи в день Бедра. И приказал посланник божий, да благословит его Аллāх и да приветствует, относительно добычи, чтобы была она возвращена (для) раздел, и не осталось из нее ничто невозвращенным. И полагали храбрые, что наделит он ею только их, минуя прочих из слабых. И приказал посланник божий, да будет над ним мир, чтобы была она разделена между ними поровну. И сказал Са'д: «О, посланник божий, неужели дашь ты всадникам людей, которые защищают их, подобное тому, что дашь слабым?»“.² В таком выступлении четко отразилась основная тенденция развития классовых отношений в арабском обществе, а не только то, что конница несла основную боевую нагрузку.³ Впрочем, как сам пророк, так и впоследствии омаййадские военачальники хорошо понимали и значение пехоты, зная, что без нее нельзя выиграть битву.⁴

При Омаййадах принципы раздела сохранились те же, но возможности арабской аристократии к увеличению своего экономического могущества еще более возросли. Этому содействовало, например, получение патроном доли его „маулā“ из военной добычи или распродажа части государственной доли военной добычи.

¹ J. Wellhausen. Die Kämpfe..., стр. 435—436; H. Terrasse. Histoire du Maroc, t. 1. Casablanca, 1954, стр. 83.

² History of Muhammed's Campaigns by al-Wakidy, ed. A. v. Kremer. Calcutta, 1856 (далее: ал-Вақиди), стр. 93.

³ N. Fries, ук. соч., стр. 40.

⁴ См., например: ат-Табарӣ, II, стр. 554₁₅; ал-Вақиди, стр. 93.

Следует особо подчеркнуть постепенный захват арабской аристократией, прежде всего многочисленными членами династии, земельных наделов и имущества беднейших членов арабских племен, не говоря уже о покоренных народах. Характерно поведение Масламы ибн 'Абдалмалика после занятия арабами Хайзана, сдавшегося „по договору“. Ал-Балазури сообщает: „И заключил Маслама мир с жителями Хайзана и распорядился относительно крепости их, и была она скрыта, и устроил он для себя там имения“.¹

Арабская аристократия весьма охотно принимала участие во всякого рода военных предприятиях. Походы в какой-то мере смягчали недовольство рядовых соплеменников. Главное же — военный грабеж существенно способствовал увеличению экономического могущества аристократии. Поэтому видные представители знати часто пытались добиться назначения наместниками в пограничные районы, где имелись широкие возможности для такого обогащения, пользуясь в своих домогательствах разнообразными видами подкупа. Так, Джунайд ибн 'Абдаррахман добился назначения наместником Хорасана в 111/729—730 г. путем поднесения халифу Хишаму и его жене драгоценных ожерелий („килада“).² Любопытно, что последующий ход событий показал военную некомпетентность нового эмира — в 112/730—731 г. под Самаркандом он был разбит тюрками. Бишр ибн Сафван ал-Кальби стал наместником Магриба за дары, поднесенные тому же халифу Хишаму.³ О Халиде ал-Қасри сообщается, что наместником Ирака он был назначен по протекции.⁴

Довольно обычным явлением было казнокрадство.⁵ Уместно напомнить также, как в 108/726—727 г., когда войска Асада ибн 'Абдаллаха голодали во время военных действий в Хутталяне, сам эмир Асад ибн 'Абдаллах принял активное участие в спекуляции продовольствием, перепродавая своим же воинам баранов по 500 дирхемов за голову.⁶

Подобные факты с самого начала халифата встречали сопротивление массы рядовых арабов-воинов. В 17/638 г., еще в правление 'Омара I, рядовые воины потребовали раздела добычи, захваченной Халидом ибн ал-Валидом и группой его приближенных в самовольной экспедиции против ромеев.⁷ В 30/650—651 г. в Дамаске произошли волнения, о которых ат-Табари сообщает, что богатые „стали жаловаться на то, что встречают они от людей“.⁸ Примечательно, что эти сведения относятся к сравнительно спокойным сирийским округам. Что же касается

¹ Ал-Балазури, стр. 207; см. также: F. Løkkegaard, ук. соч., стр. 35.

² Ат-Табари, II, стр. 1527₉ и сл.; Ибн ал-Асир, V, стр. 115.

³ Ал-Йа'куби, стр. 382.

⁴ Ал-Йа'куби, стр. 379.

⁵ См., например: ат-Табари, II, стр. 205₃; ал-Йа'куби, стр. 342.

⁶ Ат-Табари, II, стр. 1494₉ и сл.

⁷ Ат-Табари, I, стр. 2526₁₀.

⁸ Ат-Табари, I, стр. 2859₈ и сл.

и́рақских и ҳорасанских войск, то известно, какое широкое участие приняли именно воины-арабы в таких крупных антиомаййадских движениях, как восстания ал-Мухтара, Шабива и особенно Абдаррахмана ибн Мухаммада ибн ал-Аш'аса.

Участие массы воинов в восстаниях, происходивших в Ираке при Омайядах, является одной из главных черт, отличающих эти восстания от преимущественно крестьянско-ремесленнических движений аббасидского времени.¹

Упомянутые выше восстания заслуживают того, чтобы на них остановиться более подробно. Первое из них по времени — восстание ал-Мухтара (685—687 гг.) — было по своим лозунгам шиитским и основную силу его составили поселенные в Кufe воины иранского происхождения. Но наряду с этими элементами в восстании приняли активное участие и арабы племени Хамдан. Ад-Дйнаварй сохранил интересное свидетельство о взаимоотношениях, сложившихся между повстанцами арабского и иранского происхождения: «... и приблизил он (ал-Мухтар) персов, и выплачивал им и детям их жалованье, и приблизил жилища их; а арабов удалил от себя, отстранял и не допускал. И они рассердились за это, и собрались знатнейшие их, и вошли к нему, и упрекали его. А он сказал: «Никого не отдадут Аллах, кроме вас: я почтил вас — а вы задрали носы (فشتمت بنا فالفم), я доверил вам управление — а вы сломали (т. е. разрушили систему сбора, — Л. К.) харадж. Эти же персы более покорны мне, чем вы, и надежнее, и быстрее в отношении того, чего я желаю».² Из приведенного отрывка ясно видна тенденция арабской аристократии и среди повстанцев занимать привилегированное положение. Впрочем, это характерная черта многих восстаний омаййадского периода. Например, вождь азракитов, Катарй ибн ал-Фуджа'а, разбитый ал-Мухаллабом ибн Абӯ Суфрой, отступил в Табаристан, где повел себя по отношению к местному населению точно так же, как вели себя наместники Омайядов.³

Наиболее характерным для показа участия в антиомаййадских движениях массы рядовых воинов-арабов является восстание Абдаррахмана ибн Мухаммада ибн ал-Аш'аса. Субъективные цели руководителя восстания — захват власти в халифате — в данном случае совпали с глубоким внутренним недовольством среди массы воинов, которое было искусно использовано Абдаррахманом. Источники очень хорошо показывают нам и демагогические заигрывания Абдаррахмана ибн ал-Аш'аса с войсками, и подлинные причины недовольства воинов. Так, в 81/700—701 г., обращаясь к войскам, Абдаррахман подчеркивает, что всегда просил

¹ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 34.

² Ад-Дйнаварй, стр. 306₁₀ и сл.

³ Ал-Йа'куби, стр. 329.

у них совета и поступал сообразно этим советам.¹ Так же обращается он к войскам у Ибн ал-Асйра: "...ведь я только один из вас пойду, когда вы пойдете, и откажусь, если вы откажетесь".² В то же время сторонники его, призывая войска к восстанию, открыто говорили, что львиная доля захваченных богатств достается омаййадской династии, которую представляет ал-Хаджджадж, в то время как все тяготы походов выпадают на долю рядовых воинов, а один из этих сторонников прямо говорит: "...а если вы победите и захватите добычу, он (ал-Хаджджадж) съест страны и возьмет себе богатства, и будет это увеличением власти его".³

Не менее характерна и история попытки Кутайбы ибн Муслима поднять хорасанскую армию против халифа Сулаймāна. Сам Кутайба, как и Абдаррахмāн ибн ал-Аш'ас, стремился использовать в своих личных целях недовольство рядовых воинов, но источники не оставляют никакого сомнения в действительных причинах этого недовольства. Например, ал-Балāзурй, комментируя нападки Кутайбы на халифа, сообщает: "...а это потому, что Сулаймāн одарял богатых и оказывал им благодеяния, и пренебрегал теми, кто кроме них".⁴ Существование имущественного неравенства в армии видели и омаййадские администраторы. Так, ал-Хаджджадж, по сообщению ад-Динаварй, говорил ал-Мухаллабу ибн Абү Сүфре: "...ты и воины [твой] — не ровня: ведь за тобой люди и богатства, а у воинов нет ни людей, ни богатства".⁵

Эти внутренние противоречия не могли остаться без последствий для морального состояния и дисциплины войск. В источниках неоднократно встречаются сообщения о том, что эмиры бывали не уверены в надежности своих войск и выясняли их настроение тайком.⁶ Иногда перед походом или сражением эмиры вынуждены бывали просить у войск согласия на то или иное мероприятие, необходимое по тем или иным соображениям.⁷ Сплошь и рядом встречаются указания на отказ войск следовать за своими эмирами, либо об уходе или попытке ухода части войск от какого-нибудь военачальника из-за трудностей похода или по другим причинам.⁸ Бывали случаи дезертирства или уклонения от исполнения своих обязанностей как рядовых воинов, так и начальников.⁹

Чтобы не допустить возникновения открытых всплесков классовой борьбы в войсках, обеспечить боеспособность, поддержать дисциплину

¹ Ат-Табарй, II, стр. 1053₁₄ и сл.

² Ибн ал-Асйр, IV, стр. 371.

³ Там же.

⁴ Ал-Балāзурй, стр. 422.

⁵ Ад-Динаварй, стр. 287₂.

⁶ См., например: ат-Табарй, II, стр. 830₉ и сл., 1547₄ и сл.

⁷ Ат-Табарй, II, стр. 1479₂ и сл.

⁸ Ат-Табарй, II, стр. 830₉, 1422₉, 1515₁₅; ал-Йа'куби, стр. 343, 874.

⁹ Ат-Табарй, II, стр. 1386₁₅, 1473₁, 1774₂.

и порядок, омаййадские халифы и их наместники выработали целую систему различных мер предосторожности. Широко практиковалась выплата войскам годовых окладов перед отправлением в поход, чтобы заинтересовать воинов в успешном ведении военных действий и тем поднять их боевой дух.¹ В наиболее ответственных случаях воинам, помимо окладов, выплачивались еще дополнительные суммы. Например, при отправлении экспедиции 'Абдаррахмана ибн ал-Аш'аса, по распоряжению ал-Хаджджаджа, участникам похода были выплачены сверх окладов два миллиона дирхемов, т. е. по 50 дирхемов на человека.² Такие выплаты восходят еще к основателю династии: если верить ад-Динаварӣ, Му'авиййа во время битвы при Сиффине выплатил войскам по 2000 дирхемов на человека.³ Иногда выплачивались такие премии и после похода; так, Джунайд ибн 'Абдаррахман выплатил воинам после возвращения из неудачной экспедиции по 10 дирхемов.⁴ В тех случаях, когда казна не могла обеспечить выплату оклада перед походом, войска оплачивались из первой добычи.⁵ Наконец, широко применялась выплата наград на поле боя за головы убитых противников, причем размеры таких наград колебались от 100 дирхемов до 300 и даже до 500.⁶ О массовости этой практики свидетельствует то обстоятельство, что отказ одного из эмиров выплачивать эти награды рассматривается у ат-Табарӣ как происшествие чрезвычайное.⁷

Вообще, попытки задобрить войска были обычным явлением в практике омаййадского времени. Характерным примером этого может служить требование наместника Ифрикйи в правление Йазйда II, Йазйда Ибн Абӯ Муслима, предъявленное им его смещенному предшественнику, о выплате войскам пятигодичного оклада единовременно.⁸ Не чем иным были по сути дела и такие меры халифов, как, например, увеличение Йазйдом I „дйвана“ Басры на 10 тысяч человек (по Ибн ал-Асйру, на 30 тысяч)⁹ или повышение окладов (причем — и это тоже очень характерно — сирийским войскам) халифами 'Омаром II и Валидом II.¹⁰

Система поддержания в войсках боевого духа путем разного рода доплат имела тот недостаток, что ею пользовались против арабов и противники омаййадской армии, видимо, рассчитывая на неустойчивость части воинов арабской армии. Так, по сообщению ат-Табарӣ,

¹ Ат-Табарӣ, II, стр. 852₁₃, 417₁₇.

² Ибн ал-Асйр, V, стр. 865.

³ Ад-Динаварӣ, стр. 199₅.

⁴ Ибн ал-Асйр, V, стр. 127.

⁵ Ат-Табарӣ, II, стр. 1325₂₄.

⁶ Ат-Табарӣ, II, стр. 1203₅, 1884₁₈, 1886₁₆, 1922₁₉.

⁷ Ат-Табарӣ, II, стр. 1579₁₄.

⁸ Ал-Йа'кӯбӣ, II, стр. 376.

⁹ Ат-Табарӣ, II, стр. 433₁₇; Ибн ал-Асйр, IV, стр. 108.

¹⁰ Ал-Йа'кӯбӣ, II, стр. 367; Ибн ал-Асйр, V, стр. 201.

в 110/728—729 г. тюркский хакан переманивал к себе омайядских воинов, обещая им удвоение окладов.¹

Одни перечисленные меры не могли, однако, обеспечить боевую и политическую надежность и устойчивость войск и являлись лишь частью той системы мер предосторожности, о которой мы упоминали ранее. Уже упоминалось о сохранении в силе племенного принципа комплектования войск. Деление войсковых частей по племенам, вытекавшее из самого характера омайядской армии, сохранялось не только в главных базах — округах и центрах захваченных областей, но и в походных лагерях,² равно как и в боевом построении.³ Между прочим, сохранение в боевом строю разделения по племенам объясняет, быть может, отмеченное Фризом отсутствие средних командных инстанций между эмиром и „арифом“, десятником.⁴ Такими промежуточными командными звеньями как раз и могли быть вожди племенных подразделений, равно как и военные советники „асхāб ар-рай' фй-л-харб“, которых Фриз считает чем-то вроде штабных офицеров („eine Art Generalstäblern“).⁵ Правда, он, по-видимому, все же преувеличивает регулярность омайядской армии.

Существенную роль играл институт десятников — „арифов“ (мн. „урафа“). Они составляли костяк войск, как отборная сила, что подтверждается их неоднократным применением в наиболее тяжелых боевых условиях.⁶ Но на них возлагалась также ответственность за политическую благонадежность подчиненных им воинов.

Хорошей иллюстрацией тому может служить рассказ ат-Табари о том, как в 60/680 г. наместник Ирака 'Убайдаллах ибн Зийад при подавлении ши'итского движения в Кufe собрал „арифов“ и потребовал от них сведений о ненадежных элементах в войсках, грозя тяжкими карами в случае ненадежности в бою их десятков. Приводим этот рассказ целиком: „Затем остановился он ('Убайдаллах), подверг людей и «арифов» суровым карам (اخذ الناس والعرفاء اخذًا شديدًا) и сказал: «Перепишите мне чужаков и тех, кто (есть) у вас из разыскиваемых повелителем правоверных, и тех, кто (есть) у вас из мятежников и беспокойных, взгляды которых — противоречие и раскол; кто запишет их для нас, тот свободен; а тот, кто не запишет для нас ни одного, тот поручится нам за то, что в десятке его не будет нам из них противоречить никто и не посягнет на нас из них завистливый. А кто не сделает (этого), тому нет безопасности, и доступно для нас имущество его и

¹ Ат-Табарӣ, II, стр. 1518₁₄ и сл.

² Ат-Табарӣ, II, стр. 585₈ и сл., 1690₄ и сл.

³ См., например: ат-Табарӣ, II, стр. 1884₁₇.

⁴ N. Fries, ук. соч., стр. 14.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Ат-Табарӣ, II, стр. 938₁₁ и сл., 1478₁₃.

пролитие крови его. А тот „ариф“, в десятке которого будет обнаружен кто-либо из завистников повелителя правоверных, о котором не сообщил он нам, будет распят на двери своего дома. Десяток же тот будет лишен оплаты и послан в позорное место в „Омане“.¹ Аналогичное сообщение, хотя и в значительно более краткой форме, мы встречаем и у ад-Динаварй.²

В свете изложенного выше становится понятным, почему потеря многих „арифов“ в бою рассматривалась как особо тяжелый урон.

Наконец, в Омаййадское время возникли воинские формирования, специально предназначенные для несения полицейской службы, — „шурта“ и „харас“. Организатором этих войск был Му'авийа I. Первые из них — это особо надежные части, размещенные, как правило, в центрах военных округов. Они применялись и как полиция,³ и для исполнения приговоров,⁴ и как ударные отряды в бою, для исполнения особо важных заданий.⁵ На подбор кадров, и особенно командующего этими войсками, обращалось особое внимание, он являлся высшим военным руководителем внутри области.⁶

Значительно менее многочисленной, но отнюдь не менее важной, была другая часть особых войск Омаййадов — „харас“. Первоначально этот термин обозначал личную стражу халифа или наместника, затем приобрел значение „гвардия“. Источники сохранили множество примеров различного применения этих войск; „харас“ использовались и как курьеры с особо важными известиями,⁷ и как тюремная стража,⁸ и для политического сыска,⁹ и как палачи.¹⁰ Начальник этих войск обычно занимал одновременно пост руководителя какого-либо из важнейших гражданских ведомств. Характерно, что на всем протяжении существования халифата Омаййадов начальниками „харас“, как правило, были „маула“. Должности, наиболее близкие к халифу или наместнику, — начальника „харас“ и хаджиба, — видимо, сознательно замещались людьми, не располагавшими влиятельными связями среди арабской знати, целиком зависевшими от халифа или наместника и не имевшими, кроме своего патрона, никакой опоры. Традиция эта также восходит к Му'авийи I,

¹ Ат-Табарй, II, стр. 242₁ и сл.

² Ад-Динаварй, стр. 253₁₀.

³ Ат-Табарй, II, стр. 1624₆; ал-Йа'куби, стр. 274.

⁴ Ат-Табарй, II, стр. 1407₁₃.

⁵ Ат-Табарй, II, стр. 1380₅.

⁶ Ат-Табарй, II, стр. 205₈; ал-Йа'куби, стр. 280; см. также: N. Fries, ук. соч., стр. 16.

⁷ Ат-Табарй, II, стр. 1940₉.

⁸ Ат-Табарй, II, стр. 1873₁₀.

⁹ Ад-Динаварй, стр. 272₂₂ и сл.

¹⁰ Ат-Табарй, II, стр. 1338₉. Едва ли можно в этом случае, как и в ранее упомянутом (см. выше), согласиться с мнением, что „Омаййады не держали палачей“ (J. Wellhausen, Das arabische Reich. . ., стр. 350).

у которого начальником „харас“ был некий Абу Мух̄ариқ (или ал-Мух̄т̄ар), „маула“ Химйара.¹ Аналогичные сведения имеются о халифах Йазиде I, Абдалмалике, Сулаймане, Хишаме, Валиде II, Йазиде III, Марване II,² наместниках ал-Хаджджадже ибн Йусуфе и Халиде ал-Қасри.³ При этом по мере развития халифата на эти посты назначаются уже не „маула“ племен, а „маула“ лично халифов или наместников.

Рассмотрение социальной структуры войска приводит нас к следующим выводам.

Армия халифата Омаййадов была орудием и основной опорой господства арабской аристократии на огромной территории халифата. Армия служила главным средством, удерживавшим в повиновении как народы завоеванных стран, так и низы арабских племен, недовольные усилением аристократии и сопротивлявшиеся этому усилению. Самой характерной чертой организации этой армии, основой ее было привилегированное военное сословие арабов-воинов, находившихся на государственном содержании. Такое содержание обеспечивалось главным образом за счет эксплуатации государством земледельческого населения захваченных областей. Характерным являлось также и широкое применение вспомогательных отрядов, поставляемых знатью завоеванных районов, при крайне слабом развитии наемничества. Внутри самой армии четко проявлялись общие противоречия, вызываемые ускоряющимся процессом феодализации халифата. Армия халифата Омаййадов представляет собой типичный пример армии раннефеодального общества.

L. E. Kubbel

SUR LE SYSTÈME MILITAIRE DES OMAYYADES

Les travaux peu nombreux consacrés à l'histoire de l'organisation militaire du khalifat ne concernent pas spécialement les problèmes en rapport avec l'évolution de la structure économique et sociale de l'armée du khalifat des Omayyades (661—750). L'examen de ce sujet était le but de l'article présent. L'auteur tente de montrer la place de l'armée dans le système général des rapports sociaux du khalifat et l'influence des contradictions de ce système dans l'armée.

¹ Ат-Табарӣ, II, стр. 205₁₀.

² Ал-Йа'қубӣ, II, стр. 301, 335, 359, 401, 402, 415; Ат-Табарӣ, II, стр. 164₉.

³ Ат-Табарӣ, II, стр. 165₉; ал-Йа'қубӣ, II, стр. 349.